

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии

В.Н. ПАВЛЕНКО*,
ХНУ им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина,
vnp49@ukr.net

В статье представлен взгляд на результаты классического эксперимента С. Милгрэма с точки зрения теорий Б.Ф. Поршинева и Д. Джейнса. Дан обзор тех положений обеих теорий, которые имеют значение для анализа эксперимента С. Милгрэма. Проведен их сравнительный анализ. Показано, что обе теории постулируют наличие такого периода в истории человечества, когда наши предки руководствовались в своем поведении не собственными мотивами, целями и задачами, а чужими речевыми командами — то ли подаваемыми реальными лидерами (Б.Ф. Поршнев), то ли их «двойниками» — голосами-галлюцинациями (Д. Джейнс). Если согласиться с авторами этих теорий, то беспрекословное подчинение «авторитету», демонстрируемое большинством испытуемых в эксперименте С. Милгрэма, является в определенном смысле рецидивом тех психологических механизмов и поведения, которые существовали у человека в историческую эпоху тотальной суггестии (по Б.Ф. Поршиневу) или «бикамерального разума» (по Д. Джейнсу).

Ключевые слова: историческая психология, эксперимент С. Милгрэма, подчинение, суггестия, слуховые галлюцинации, бикамеральный разум.

Классический эксперимент Стэнли Милгрэма, впервые описанный им в 1963 году [7], со времени своего проведения неоднократно воспроизводился в разных странах и разных модификациях. Т. Бласс в свое время дал полный

Для цитаты:

Павленко В.Н. Эксперимент С. Милгрэма сквозь призму исторической психологии // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 5–18. doi:10.17759/sps.2019100301

* Павленко Валентина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии, факультет психологии, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина, vnp49@ukr.net

обзор этих репродукций [4]. В 2017 году эксперимент повторили польские психологи [5], в 2018 году он был повторен в Украине. Как и при предыдущих его воспроизведениях, оказалось, что по-прежнему очень высок процент испытуемых, которые готовы, следуя указаниям присутствовавшего рядом «авторитета», вопреки своей совести, часто совершенно искренне мучаясь, тем не менее причинять боль и страдания другому человеку. При этом, как и в оригинальном варианте, по отношению к ним не применялось физическое воздействие, не существовало даже его угрозы, просто бесстрастная команда-напоминание: начиная от «Пожалуйста, продолжайте» и заканчивая «У Вас нет другого выбора, Вы должны продолжать». В эти результаты невозможно поверить, их тяжело понять и еще труднее принять. Но факт остается фактом. Люди бравируют своей способностью противостоять воздействию других людей, лидеров, рекламы или пропаганды, очевидно, недооценивая степень своей податливости. Откуда она в нас? Почему мы так реагируем? До сих пор на это нет однозначного ответа. Однако знакомство с некоторыми теориями позволяет высказать предположение, что предпосылки такого поведения могут скрываться в нашей истории. Попробуем в этом разобраться.

В контексте поднятой проблемы хотелось бы обратить внимание на две теории, возникшие независимо друг от друга практически одновременно на разных континентах и с разных позиций бросившие вызов бытующим представлениям о психологических особенностях Человека на заре его истории. Речь идет о достаточно хорошо известной теории Б.Ф. Поршнева и малознакомой для русскоязычных читателей теории Д. Джейнса. Несмотря

на то, что со времени их появления прошло почти полвека, и каждая из теорий за это время обросла как критиками, так и сторонниками, их основные идеи, как и в момент их появления, входят в диссонанс с существующими на сегодняшний день представлениями о той исторической эпохе, взывая к их анализу, попыткам осмысления и сопоставления.

Теория Б.Ф. Поршнева

Теория Б.Ф. Поршнева столь междисциплинарна и многоаспектна, что трудно в рамках небольшой статьи изложить даже основные ее идеи, поэтому здесь будут упомянуты только те ее положения, которые имеют непосредственное отношение к теме. В своем основном труде «О начале человеческой истории», впервые увидевшем свет еще в 1974 году [2] и впоследствии неоднократно переиздававшемся [3], исследователь представил свое видение антропогенеза и тех психологических трансформаций, которые его сопровождали.

С точки зрения Б.Ф. Поршнева, в свое время от антропоморфных обезьян ответвилось семейство троглодитид, ставшее промежуточным звеном между обезьянами и семейством гоминид, представленным лишь видом *Homo sapiens*, или «неоантропов». Последние, в свою очередь, подразделялись на «ископаемых» и «современных». Обосновывая введение этого промежуточного звена, Б.Ф. Поршнева подчеркивал, что оно должно быть противоположным и предшественникам, и последователям, поэтому Человек «рождается в обособлении преимущественно от этого посредствующего, а вовсе не от “обезьяньего”» [2, с. 59]. Диагностическим признаком, от-

личающим троглодитид от филогенетически предшествующего ему семейства человекообразных обезьян, служит прямохождение, при этом специально подчеркивается, что орудийность, т.е. использование или даже изготовление орудий, принципиального значения не имеет. В отличие от обезьян, троглодитиды были плотоядными, но не были хищниками, для них была характерна некрофагия (трупоядение). В силу такого нового образа питания троглодитиды освоили раскалывание и расчленение органических покровов посредством крепких и острых камней, впоследствии тот же механизм раскалывания был перенесен ими непосредственно на камни для получения более совершенных рубящих и режущих свойств. Иными словами, по автору, орудия их «труда» были чисто природными новообразованиями.

Семейство троглодитид Б.Ф. Поршнева называет «высшими ортоградными неговорящими приматами» [2, с. 126], тем самым подчеркивая, что «речь» появляется только у Человека. Соответственно, «проблема возникновения Homo sapiens — это проблема возникновения второй сигнальной системы, т.е. речи» [2, с. 118]. В процессе возникновения речи исследователь выделяет 2 уровня: наиболее древний — «инфлюативный» и более поздний — информативный. Иными словами, прежде чем перейти к обмену информацией, наши предки использовали речь для управления поведением других индивидов. В рамках инфлюативного уровня также выделяются 2 фазы: самая древняя, первичная — «интердиктивная», в рамках которой на физиологическом уровне происходит обширное торможение, а значит и запрет на действия индивида, которые диктуются его сенсорной сферой. Вторая, более позд-

няя стадия инфлюативного уровня — «суггестивная», в рамках которой вместо запрещенных собственных побуждений и поступков индивиду навязываются, внушаются какие-то иные, не имеющие ничего общего с тем, что требует его сенсорики и биологический смысл. Таким образом, ядром речевого общения для Б.Ф. Поршнева является функция внушения, суггестии, и это для него принципиальный момент, т.к. это означает, что «ядро находится не внутри индивида, а в сфере взаимодействия между индивидами» [2, с. 187].

В своей работе Б.Ф. Поршнева предлагает рабочую модель трансформации интердикции в суггестию, которая строится по принципу «отрицание отрицания». Интердикция I — это «генерализованный тормоз, т.е. некий единственный сигнал (не обязательно... звуковой: вероятнее, что это движение руки), тормозящий у другой особи, вернее, у других особей, любое иное поведение, кроме имитации этого сигнала» (соответствует смыслу термина «нельзя»). Интердикция II — некий сигнал, специально тормозящий этот генерализованный тормоз (соответствует смыслу «можно»). Интердикция III или суггестия — это предписание, навязывание партнеру («противнику») уже определенного действия или способа реагирования (соответствует смыслу термина «должно»). Соотнося эту рабочую модель непосредственно с антропогенезом, Б.Ф. Поршнева предлагает рассматривать фазу «интердикции I» как высший предел взаимодействий между особями в мире палеоантропов, «интердикцию II» — как взаимодействие между Homo sapiens и представителями троглодитид, а суггестию — как перенесение отношений, характерных для дивергенции двух этих семейств, в мир самих неан-

тропов — в плоскость взаимоотношений между особями и группами Homo sapiens.

Прямым следствием такой тотальной суггестии в первобытном обществе было, по Б.Ф. Поршневу, совершенно «противоестественное», воспринимаемое как навязываемое, поведение людей — стремление к максимальному безвозмездному отчуждению благ. «Коллективизм первобытной экономики состоял не в расстановке охотников при облаве, не в правилах раздела охотничьей добычи и т.п., а в максимальном угощении и одарении каждым другого» [2, с. 405], чего никогда не было ни до этой эпохи, ни после.

Для Б.Ф. Поршнева суггестия, т.е. вербальное внушение, являлась исходным субстратом любых социально-психологических отношений. Согласно представлениям исследователя, человечество начало свое развитие, уже имея внушение как продукт предыдущего видообразования, но специфические человеческие характеристики оно начало обретать только после возникновения механизмов, которые делали возможным торможение процесса суггестии, активно противодействовали ему.

Б.Ф. Поршнев считал, что наши предки вначале препятствовали суггестивным механизмам с помощью наиболее элементарных способов, например, избегая контактов. Когда скопление людей в первобытных поселениях достигало критической величины, наши предшественники испытывали чувство сильного психологического дискомфорта из-за появления у них «груза межиндивидуального давления». Они пытались искать спасения в избегании контактов, что способствовало постепенному их расселению на новых, никем не занятых территориях. Невиданная ранее скорость расселения людей той эпохи по всему

земному шару была для ученого очередным подтверждением его гипотезы о непереносимости для первобытных людей груза давления суггестии и поиска разнообразных способов борьбы с ним.

Среди различных форм противодействия суггестии — контрсуггестии, в терминологии автора, — Б.Ф. Поршнев выделял в качестве одного из первичных защитных механизмов феномен формирования недоверия. Согласно исследователю, разделение группы на авторитетных и неавторитетных членов является одним из способов, предоставляющих реальную возможность сокращения числа тех, кто может «запускать» процесс суггестии. Критическое отношение, априори существовавшее ко всем членам общности, не обладающим авторитетом, активно препятствовало или существенно ослабляло возможность вербального внушения с их стороны. В этом же ключе можно рассматривать, согласно Б.Ф. Поршневу, и принцип выдвижения лидеров — общепризнанных авторитетов в обществе (вождей, президентов, пап и др.). По автору, за подобными действиями всегда стоит такая бессознательная логика общества: пусть слово кого-либо одного будет иметь огромную силу, это не самая большая плата за возможность не подвергаться воздействию со стороны всех остальных.

В качестве еще одного способа ограничения суггестии Б.Ф. Поршнев также рассматривал разделение человечества на этносы. Вопрос здесь не только в том, что дифференцировка людей на тех, кто принадлежит к определенной этнической группе («наших»), и тех, кто не принадлежит («чужих»), существенно ограничивает количество потенциальных суггесторов. Процесс внушения в этом случае осложняется также тем, что такое разделение способствует и качественной

несовместимости — непониманию друг друга из-за разных языков, культурных норм, традиций, обычаев и т.п.

Б.Ф. Поршнев утверждал, что при всем многообразии форм общностей они всегда и везде конституируются через противопоставление «Мы» и «Они». Для исследователя данное социально-психологическое противопоставление выступает как первичное по отношению к индивидуально-психологическому. При этом в исходной оппозиции «Мы» — «Они» более ранним, первичным является полюс «Они». Именно возникновение представлений о «них» Б.Ф. Поршнев называл первым актом социальной психологии. Представление же о своей общности всегда вторично, оно формируется посредством механизма контрсуггестии через противопоставление «чужих» и «своих». И именно в таком порядке. То есть начальный образ «Мы» возникает как представление, что «Мы», «наши», не такие, как «Они», «чужие». Впоследствии образ «Мы» все более кристаллизуется, наполняясь конкретным содержанием и смыслом.

Важную роль в процессе кристаллизации образа «Мы» играет механизм контр-контрсуггестии. Из предложенного Б.Ф. Поршневым термина непосредственно вытекает то, что контр-контрсуггестия направлена против контрсуггестии. С точки зрения автора, контр-контрсуггестия — это возвращение к механизмам суггестии, внушения, но на более высоком уровне. Если контрсуггестия способствовала этнодифференцирующим процессам, то процессы внутриэтнической консолидации, согласно Б.Ф. Поршневу, непосредственно связаны с вербальным внушением и контр-контрсуггестией. Поскольку суггестия всегда интенсифицируется в ус-

ловиях активизации внутригрупповых контактов, именно поэтому во всех этносах важная роль всегда отводилась общезнаменным мероприятиям — общей племенной трапезе, гуляниям, общему пению, общим народным праздникам и т.п. В результате наблюдалось повышение доверия к общности, снижение критики, возрастание чувства принадлежности к «Мы» (т.е. этническая идентификация), ускорение формирования внутриэтнической консолидации.

Повышению суггестии благоприятствовали также изоляционистские настроения, так как они увеличивали вероятность контактов членов данной, изолированной от иных общностей, этнической группы. Поэтому использование природных факторов, благоприятствующих отгороженности общности, или создание искусственных «стен» (в буквальном смысле этого слова, скажем, «Великой китайской стены» или в переносном — возведение «железного занавеса») вместе с увеличением замкнутости способствовали, по Б.Ф. Поршневу, развитию суггестивных процессов.

Теория «бикамерального разума» Д. Джейнса

Американский психолог Джулиан Джейнс получил широкую известность благодаря своей книге «Происхождение сознания в процессе краха бикамерального разума», впервые изданной в 1976 году [7]. В 1978 году эта работа была номинирована на престижную Национальную Книжную Премию, получила позитивные отзывы и впоследствии неоднократно переиздавалась. На русский язык, насколько нам известно, книга никогда не переводилась.

Основную идею Д. Джейнса, если выражать ее максимально лаконично, можно сформулировать следующим образом: согласно автору, на заре человеческой истории люди не обладали сознанием, и их психическая деятельность была совершенно не похожа на психику современного человека. Предшественником сознания был в этот период (приблизительно 10-е—2-е тысячелетия до нашей эры) так называемый «бикамеральный разум», вариант психики, состоящей как бы из двух частей («камер»). Одна из этих «камер», за работу которой отвечало преимущественно левое полушарие головного мозга, обеспечивала осуществление человеком своих повседневных исполнительских функций. Вторая же «камера», за работу которой отвечало в основном правое полушарие, была инициатором любой деятельности и выполняла функцию контроля. Эта «камера» управляла человеком посредством вербальных галлюцинаций. В определенном смысле, по автору, нечто подобное можно наблюдать в наше время в клинике у больных шизофренией, страдающих слуховыми галлюцинациями. Голоса, которые слышали люди в древности (и которые слышат больные шизофренией сейчас), инициировали и полностью регулировали их деятельность. И в том, и в другом случае они воспринимались как не свои, а внешние, навязывающие индивиду мысли, чувства, поведение. Для наших предков, по Д. Джейнсу, это были, как правило, голоса богов или других представителей потустороннего мира. Крах эпохи «бикамерального разума» открыл возможность возникновения сознания.

Попытаемся развернуть эту общую идею и рассмотреть наиболее важные ее составляющие. Сам автор в послесловии, написанном им к очередному пере-

изданию его работы в 1990 году, четко указывает на то, что в его труде есть 4 основные гипотезы, которые он и пытался доказать.

Одна из гипотез касается собственно «бикамерального разума». Д. Джейнс, обращаясь к поэме Гомера «Иллиада» и предлагая рассматривать ее как психологический документ, анализирует ее текст и приходит к выводу, что герои, описанные в поэме, никогда не иницируют собственных действий, никогда не планируют их, они только выполняют то, что советуют или приказывают им боги. Сторонним наблюдателям может показаться, что именно герои выступают инициаторами, но сами герои знают, что это не так. Один из характерных примеров, приводимый в этом плане исследователем, касается слов одного из героев — Агамемнона, которому Ахилл в конце войны напоминает о ситуации, когда тот ограбил его, на что последний отвечает: «Не я был причиной этого действия, а Зевс» [7, с. 72].

«Что же это за боги, которые манипулировали людьми как роботами?» — ставит вопрос Д. Джейнс и отвечает на него следующим образом: «Это были голоса, чья речь и указания были так же отчетливо слышны героям Иллиады, как слышны голоса определенным эпилептикам и шизофреникам или как слышала голоса Жанна Д'арк» [7, с. 73]. Иными словами, уточняет автор: «Боги это то, что сейчас мы называем галлюцинациями». Иногда это только голоса, иногда — более целостные образы, не только слышимые, но и видимые. Это могут быть образы известных богов, правителей, родственников, иногда живых, но чаще — уже умерших, и люди подчиняются их голосам, потому что «сами они просто не знают, что им делать» [7, с. 75]. Наличие подобных го-

лосов, которым надо беспрекословно повиноваться, согласно Д. Джейнсу, было абсолютно необходимой предпосылкой появления в будущем сознания, при котором уже сам человек ответственен за свои действия, может сам себе приказывать и собой управлять. В этом последнем случае, по образному выражению исследователя, «мы сами становимся своими собственными богами» [7, с. 79].

Пусковым механизмом для возникновения галлюцинаций были стрессовые ситуации, например, ситуации принятия решения. Именно они и провоцировали запуск галлюцинаторного процесса. С точки зрения Д. Джейнса, то, что это были преимущественно слуховые галлюцинации, отнюдь не случайно, потому что слух — это наименее контролируемая из модальностей, поэтому «слышать — означало подчиняться» [7, с. 99]. В подтверждение автор, помимо прочих доказательств, приводит анализ слова «послушание», значение которого — подчинение чьей-то воле, чьим-то правилам или приказам — лингвистически столь очевидно и однозначно увязывается именно с данной модальностью, со слушанием.

Возникновение эпохи «бикамерального разума» Д. Джейнс увязывает с необходимостью социального контроля в новых условиях — при переходе от жизни в малых группах охотников-собирателей к жизни в больших сельскохозяйственных сообществах. Этот новый тип социального контроля, характерный для резко возросших по численности групп людей, как раз и обеспечивался, по автору, таким специфическим устройством психики. Данное устройство, в свою очередь, стало возможным благодаря развитию языка.

Согласно Д. Джейнсу, в развитии языка можно выделить ряд стадий:

— первой стадией Д. Джейнс называет появление намеренных звуковых сигналов, которые повторяются отправителем до тех пор, пока поведение реципиента сигнала не изменится. Ранее сигналы были не звуковыми, а преимущественно визуальными (например, определенная поза). Но изменение условий жизни, в частности, переход от жизни в светлых африканских саваннах к жизни в хуже освещенных регионах (в том числе в темных пещерах) и, соответственно, ухудшение возможности использования визуальных образов, способствовали и освоению новых модальностей;

— следующим шагом, согласно Д. Джейнсу, была дифференциация сигналов по интенсивности их последних звуков, которая несла какую-то конкретную информацию (например, чем ближе опасность, тем интенсивнее звучит окончание сигнала). Впоследствии это дало возможность вычленить данный сегмент и использовать его для обозначения разных видов опасности;

— следующую стадию Д. Джейнс называет «эпохой команд», когда этот вычлененный сегмент-окончание уже изолированно, сам по себе мог быть использован для управления поведением;

— последующее развитие языка, согласно автору, шло по пути возникновения существительных, вначале тесно связанных с жизненно важными командами (например, при приближении потенциальной опасности сигнала о том, кто конкретно приближается), а позже — для обозначения любых предметов.

Согласно Д. Джейнсу, «вербальные галлюцинации были побочным эффектом усложнения языка, который эволюционировал с помощью естественного отбора как метод контроля за поведением» [7, с. 134]. С точки зрения автора,

человеку той эпохи, не обладающему сознанием, а значит и не способному самостоятельно управлять своим поведением, для осуществления любой деятельности требовались внешние команды. Поскольку в условиях увеличения численности общины лидер уже не мог осуществлять непосредственный контроль, его функцию начали выполнять слуховые галлюцинации. Вначале «голоса» были анонимными, но впоследствии, согласно автору, в связи с возникновением имен, люди той эпохи научились их идентифицировать. Вначале это были голоса правящих вождей или королей, но со временем голоса стали функционировать и после смерти реальных лидеров: «Умерший король становился живым богом. Его гробница — домом бога» [7, с. 143]. А это значит, согласно Д. Джеймсу, что со временем гробницы были заменены храмами, а останки лидеров — идолами или статуями богов, которые тем не менее продолжали выполнять ту же функцию, что и прежде.

Эпоха «бикамерального разума» продолжалась ориентировочно «с девятого по второе тысячелетия до нашей эры» [7, с. 202], и датирование этого периода было второй гипотезой, которую Д. Джейнс пытался обосновать. Исследователь анализирует два вида теократий того периода: вариант, в котором верховный правитель воспринимался как представитель бога (Месопотамия), и вариант, в котором верховный правитель воспринимался как собственно бог (Египет).

На основании изучения клинописи тех времен Д. Джейнс делает вывод о том, что в Месопотамии «богом была статуя. Это была не статуя бога (как мы бы сказали), а собственно сам бог» [7, с. 178]. У него был свой дом, называемый «великий дом», трон, на котором он вос-

седал, его лицо было инкрустировано драгоценными металлами и камнями, он был облачен в специальные одеяния. Его повседневная жизнь была строго расписана и ритуализирована: умывание, одевание, кормление, прогулки (ношение статуи на плечах у специальных служителей) и, конечно же, управление страной, которое осуществлялось с помощью провоцируемых им слуховых галлюцинаций. Доказательства своим взглядам автор находит в описаниях множества ритуалов, предназначенных для облегчения статуям выражения своей воли. Например, ритуалы «омовения рта» статуи и ритуалы «открытия рта», которые первоначально выполнялись только после создания статуй и перед начальным водружением их на трон, однако впоследствии приобрели более регулярный характер.

Верховный бог в Месопотамии диктовал свою волю (провоцировал у населения галлюцинации) не ежедневно, а только в наиболее важных для страны ситуациях. Для повседневного же управления существовали боги-посредники, которые устанавливались в каждом доме и требовали тех же ритуалов, что и верховный бог, но в более простых формах и масштабах.

Теократия в Египте была более архаичной формой, здесь богами были правители. Свои заключения об этой форме Д. Джейнс также делает на основе анализа письменных свидетельств той эпохи, в том числе «Памятника мемфисской теологии» (в русской историографии также известном под названием «Мемфисский богословский трактат») — начертанном на камне тексте, посвященном Птаху, богу-демиургу, покровителю ремесел и «городскому богу» Мемфиса. Фигурирующее в этом

документе выражение (Птах творил мир «языком и сердцем»), которое традиционно интерпретируется иносказательно, Д. Джейнс предлагает трактовать буквально, поскольку для той эпохи характерно конкретное мышление. Более того, он считает, что более адекватным переводом было бы не слово «творил», а слово «командовал», а значит «то, чем Птах действительно командовал, это бикамеральные голоса, которые положили начало, контролировали и направляли Египетскую цивилизацию» [7, с. 186].

Анализируя образ Осириса, который традиционно трактуется как «умирающий» и/или «воскресающий бог», Д. Джейнс придает этому образу несколько иной смысл. Он считает, что на самом деле Осирис «был вызывающим галлюцинации голосом умершего короля» [7, с. 186], который продолжал функционировать, т.е. вызывать слуховые галлюцинации у своих подданных, и после своей смерти (в этом смысле одновременно и мертвый, и воскресающий). Исходя из такой логики, уже не выглядели парадоксальными ни практика мумификации, ни практика построения гробниц-пирамид с обеспечением их всеми необходимыми для жизни атрибутами. Поскольку продолжали существовать голоса, т.е. реальное влияние умершего короля, он продолжал считаться живым, хоть и перестал дышать и двигаться. При любой из рассматриваемых форм теократии, заключает Д. Джейнс, «боги не были плодами воображения кого-либо. Они были человеческой волей» [7, с. 202].

Гипотеза исследователя, увязывающая «голоса» с работой правого полушария, анализироваться здесь не будет, поскольку и критики, и сам Д. Джейнс считали ее наиболее слабо доказанной и наиболее увязимой. Однако обратимся к

последней базовой гипотезе, касающейся трактовки им понятия «сознание». Она звучит так: «Сознание базируется на языке» [7, с. 447]. При этом исследователь отмечает, что сознание не есть язык, но без языка сознания не существует. При этом самое главное, по Д. Джейнсу, правило порождения сознания таково: «Нет операций в сознании, которые первоначально не существовали бы в поведении» [7, с. 449], иными словами, сознание всегда вторично по отношению к реальному миру.

Базовой характеристикой сознания исследователь считает его «пространственный характер», что по сути близко к понятию психосемантического пространства, хоть этого термина Д. Джейнс и не употребляет. Исследователь обращает внимание на метафорический характер образов сознания. Для него понять что-либо означает найти для малопонятного обозначаемого, которое он называет «метафранд» (*metaphrand*), некое обозначающее, которое он именует «метафиер» (*metaphier*) — понятный и знакомый образ, подобранный по аналогии и, конечно, разный в разные эпохи. Например, гром и молнии, воспринимаемые сейчас как природные явления, электрические разряды и их световые и звуковые последствия, тысячелетия назад могли мыслиться как рев и грохот во время битвы всемогущих богов. Большинство метафор, которые используются для обозначения ментальных процессов, визуально-пространственны: мы «видим» решение проблемы, мы можем быть «глубокими», «открытыми», что-то может быть «в» сознании и «вне» его. Возвращаясь к введенной им терминологии, Д. Джейнс подчеркивает, что пространство сознания — это пространство метафор, у ко-

торых в качестве метафiera выступает реальный внешний мир.

В основе каждой метафоры, согласно исследователю, лежат определенные ассоциации или атрибуты, связанные с метафиером. Д. Джейнс предлагает называть их «парафieraми». Когда мы начинаем пользоваться тем или иным метафиером, его парафiera актуализируются и начинают проецироваться на метафранд (обозначаемое), превращая последний в то, что автор предлагает называть парафрандом метафранда. За этой сложновато звучащей терминологией скрывается достаточно простой и понятный смысл. Д. Джейнс проясняет его с помощью следующего примера: использование метафоры «снег одеялом укрыл землю» предполагает в качестве метафранда то, что земля покрывается слоем какого-то белого и достаточно плотного вещества. Но использование в качестве метафiera образа укрывания одеялом вызывает дополнительные ассоциации, связанные с чем-то теплым, уютным, защищающим, состоянием расслабления или сна до определенного момента пробуждения и т.п. Эти дополнительные ассоциации — парафiera — начинают накладывать свой отпечаток и на исходное явление (метафранд), принося в него дополнительные смысловые оттенки, образуя новый парафранд — образ спящей земли, укрытой и защищенной снежным покровом до ее пробуждения весной. Все это благодаря использованию в качестве метафiera образа одеяла.

В приведенном примере итоговый парафранд, согласно автору, может выступить в качестве нового метафранда и тем самым запустить новый виток процесса осмысления чего-либо. Поэтому, в понимании Д. Джейнса, «сознание —

это работа лексических метафор», постоянный процесс творения все новых и новых значений и смыслов. Это понимание выражено им следующим образом: «субъективное сознание есть аналог того, что мы называем реальным миром. Оно построено из словаря или лексических полей, терминология которых — это метафоры или аналогии поведения в физическом мире. Его реальность того же порядка, что и математика. Оно позволяет обозначить поведенческие процессы и прийти к наиболее адекватным решениям. Как и математика, это скорее оператор, чем вещь или хранилище» [7, с. 55].

Второй по важности характеристикой сознания Д. Джейнс называет аналог «Я» (некое представление о себе, существующее в сознании). Этот аналог «Я» обостряет и изучает пространство сознания, передвигается и функционирует в нем. К важнейшим характеристикам сознания Д. Джейнс относит также нарратизацию или постоянное увязывание сознанием неких событий в определенную последовательность, создание из них некоего повествования, в рамках которого наши невидимые «Я» всегда выступают в качестве главных героев. Именно эти три упомянутые основные характеристики и звучат в наиболее позднем определении сознания Д. Джейнса: «Базовое коннотативное определение сознания это, следовательно, аналог «Я», нарратизирующий в функциональном пространстве разума» [7, с. 450].

Отдавая себе отчет в том, насколько схематично и неполно представлены в этом обзоре взгляды Б. Поршнева и Д. Джейнса, мы, ввиду лимитированного объема статьи, вынуждены пока остановиться на этом и перейти к краткому их сопоставлению.

**Обсуждение концепций
Б. Поршнева и Д. Джейнса
в свете результатов эксперимента
С. Милгрэма**

Начиная процесс сопоставления описанных взглядов, прежде всего хотелось бы обратить внимание на чисто формальные моменты. Так, уже отмечалось, что обе концепции были впервые опубликованы в середине 80-х годов прошлого века, но созданы в разных странах — в СССР и США, причем авторами с разным «бэкграундом», как принято сейчас говорить: Б. Поршнева был по образованию историком, а Д. Джейнс — психологом. Вместе с тем при аргументации своих взглядов исследователи в определенном смысле меняются ролями: Б. Поршнева демонстрирует великолепное знакомство с психологической и патопсихологической литературой, привлекает обширный материал по биологии и физиологии высшей нервной деятельности, в то время как Д. Джейнс приводит в качестве доказательств массу исторических фактов, особое внимание уделяя анализу древних текстовых источников.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с обеими концепциями, это интерес авторов к исторической психологии, к исследованию определенных аспектов психической деятельности до нашей эры. Однако фокус интересующего исследователей временного интервала несколько отличается: у Б. Поршнева это более давние времена — эпоха семейства троглодитов, возникновение и становление неантропов (вначале ископаемых, а позже — современных форм), в то время как у Д. Джейнса приоритет отдается более позднему периоду — с 9-го по 2-е тысячелетия до нашей эры.

Оба автора в своих концепциях делают акцент на процессе развития речи и речевого взаимодействия. Более того, важнейшим положением для обоих является то, что в качестве первичной функции такого взаимодействия они выделяют функцию управления другой особью. Вместе с тем реализация данной функции видится ими по-разному. Для Б. Поршнева это поэтапный переход от существующей еще у троглодитов интердикции (т.е. запрета каких-либо действий), осуществляемой первоначально в неречевой форме, к новообразованию неантропов — суггестии, навязыванию каких-либо конкретных форм поведения. В морфологии головного мозга, изменения в которой постоянно отслеживает исследователь, этому соответствует появление у *Homo sapiens* развитого префронтального отдела лобной доли коры.

Д. Джейнс также выделяет в истории развития поведения человека фазу полного подчинения (что близко к понятию стадии суггестии у Б. Поршнева), но, в отличие от последнего, акцент в этом процессе ставится не на командах, подаваемых извне лидером группы, а на командах, подаваемых «голосами», аналогами псевдогаллюцинаций у современных больных шизофренией. Вопрос причин и механизмов возникновения данной стадии остается у исследователя слабо разработанным. Единственный момент, с которым Д. Джейнс связывает возникновение такого специфического способа социального контроля — это переход от жизни в сравнительно малочисленных группах к жизни в больших группах, где отсутствует потенциальная возможность непосредственного общения лидера с каждым членом и, соответственно, возможность непосредственного влияния

на поведение последнего. В этом смысле можно было бы предполагать, что этап «бикамерального разума», когда внешняя команда уже как бы частично интериоризирована в виде «голосов», является последующим этапом после этапа суггестии в понимании Б. Поршнева, но никаких прямых указаний на это в тексте Д. Джейнса нет.

Общность позиций обоих авторов просматривается также в попытках опираться в своих взглядах на данные патологии. Так, Б. Поршнева рассматривает повышенную внушаемость и некритичность больных олигофренией как возврат к исторически более ранним, ныне уже отжившим формам психической деятельности и поведения. С тех же позиций анализируются Д. Джейнсом псевдогаллюцинации больных шизофренией. Предельно ясно позицию по данному вопросу выразил Б. Поршнева: «Психически больные люди — это неизбежное, по законам генетики, воспроизведение в определенном маленьком проценте человеческих особей отдельных черт предкового вида — палеоантропов». В данном случае не столь важно, что в свете современных данных некоторые исследователи подобные рецидивы предлагают соотносить не с эпохой палеоантропов, а с эпохой ранних неантропов [1], суть от этого принципиально не меняется. Аналогично Д. Джейнс анализирует определенные формы отклоняющихся от общепризнанной нормы психических явлений — пророчества, гипнотизм, одержимость, глоссолалию и т.п. — как рудименты эпохи «бикамерального разума».

Обращаются оба автора и к последующим фазам в развитии психической деятельности. Так, Б. Поршнева указывает на то, что тотальная суггестия со временем вызывает к жизни контрсуггестию

(т.е. сопротивление суггестии, отказ от навязываемых форм действий) и, соответственно, обретение определенной самостоятельности в выборе поведения. Д. Джейнс же крах эры «бикамерального разума» связывает с началом формирования сознания.

Если допустить, что выделяемые в обеих концепциях исторические эпохи действительно существовали, и сквозь призму данных теорий посмотреть на проблему, поднятую эксперименталистами С. Милгрэма, то можно предположить, что беспрекословное подчинение «авторитету», демонстрируемое большинством испытуемых, это дань историческому прошлому, через которое некогда прошло Человечество, этапу, когда большинство членов общности руководствовалось в своем поведении не собственными мотивами, целями и задачами, а чужими речевыми командами — то ли подаваемыми реальными лидерами (как у Б. Поршнева), то ли их двойниками — галлюцинаторными голосами богов (как у Д. Джейнса). Более того, эти некогда существовавшие в истории психологические рудименты настолько сильны, что при создании определенных условий реализуются в поведении современников, несмотря на прошедшие с тех пор тысячелетия и, казалось бы, формирование и освоение людьми полного арсенала механизмов защиты от подобного императива.

Представляется, что знакомство с описанными теориями, сколь бы парадоксально они ни выглядели, и взгляд на эксперименты С. Милгрэма сквозь призму этих теорий могут помочь лучше понять не только результаты этих конкретных исследований, но и иные феномены, связанные с проблематикой авторитарности и конформизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куценков П.А. Эволюционная патопсихология (перелистывая книгу Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 2. С. 180–197.
2. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.
3. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: Алетея, 2007. 720 с.
4. Blass T. The Man Who Shocked the World: The Life and Legacy of Stanley Milgram. Hachette UK, 2009. 384 p.
5. Doliński D., Grzyb T., Folwarczny M., Grzybala P., Krzyszycha K., Martynowska K., Trojanowski J. Would You Deliver an Electric Shock in 2015? Obedience in the Experimental Paradigm Developed by Stanley Milgram in the 50 Years Following the Original Studies // Social Psychological and Personality Science. 2017. № 8. P. 927–933.
6. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 469 p.
7. Milgram S. Behavioral Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 67 (4). P. 371–378.

S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology

V.N. PAVLENKO*,

V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine,
vnp49@ukr.net

The article presents a look at the results of the classical experiment of S. Milgram from the point of view of the theories of B. Porshnev and D. Jaynes. A review of the provisions of both theories that are relevant to the analysis of the experiment of S. Milgram is given. A comparative analysis was carried out. It is shown that both theories postulate the existence in human history of a period when our ancestors were guided in their behavior not by their own motives, goals and objectives, but by other people's speech commands – either given by real leaders (B. Porshnev), or their “doubles” – voice-hallucinations (D. Jaynes). If we agree with the authors of these theories, the unquestioning obedience to “authority”, demonstrated by the majority of subjects in

For citation:

Pavlenko V.N. S. Milgram's experiment through the lens of historical psychology. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 5–18. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100301

* Pavlenko Valentina N. — PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Applied Psychology, Faculty of Psychology, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine, vnp49@ukr.net

the experiment of S. Milgram, is in a certain sense a recurrence of those psychological mechanisms and behaviors that existed in a person in that historical era of total suggestion (according to B. Porshnev) or “bicameral mind” (according to D. Jane).

Keywords: *historical psychology, S. Milgram’s experiment, obedience, suggestion, auditory hallucinations, bicameral mind.*

REFERENCES

1. Kutsenkov P.A. Evolyutsionnaya patopsikhologiya (perelistyvaya knigu B.F. Porshneva «O nachale chelovecheskoi istorii») [Evolutionary pathopsychology (preaching the book of B.F. Porshnev “On the beginning of human history”)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history], 2008. Vol. 1, no. 2, pp. 180–197. (In Russ.; abstr. in Engl.).
2. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [About the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Moscow: Mysl’, 1974. 487 p.
3. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [About the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Saint Petersburg: Aleteya, 2007. 720 p.
4. Blass T. The Man Who Shocked the World: The Life and Legacy of Stanley Milgram. Hachette UK, 2009. 384 p.
5. Doliński D., Grzyb T., Folwarczny M., Grzybała P., Krzyszycha K., Martynowska K., Trojanowski J. Would You Deliver an Electric Shock in 2015? Obedience in the Experimental Paradigm Developed by Stanley Milgram in the 50 Years Following the Original Studies. *Social Psychological and Personality Science*, 2017, no. 8, pp. 927–933.
6. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 469 p.
7. Milgram S. Behavioral Study of Obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963. Vol. 67, no. 4, pp. 371–378.